

УДК 8Р1

*Н.Н. Кислова\**

### **ПОЭТИКА РОМАНА Б.А. САДОВСКОГО «ОХОТА»: К ВОПРОСУ О ФОЛЬКЛОРНОЙ СТИЛИЗАЦИИ**

Статья посвящена исследованию художественных особенностей романа Б.А. Садовского «Охота», обусловленных фольклорной стилизацией и обращением автора к мифопоэтическим сюжетам. В поле зрения исследователя – композиция романа, его повествовательная структура, сюжетная линия одного из персонажей и анализ вставных новелл. Фольклорная стихия помогает писателю погрузить читателя в эпоху, дать возможность проникнуть в мироощущение человека XIX века, живущего в ожидании переломных личных и исторических событий (войны). Народный взгляд на историю позволяет Б.А. Садовскому показать, как быт перерастает в бытие.

**Ключевые слова:** Б.А. Садовской, фольклорная стилизация, анекдотическая структура, новелла.

Борис Александрович Садовской (1881–1952) в историю русской литературы вошел как прозаик, поэт и критик. Достаточно известный в начале XX века, писатель ушел в небытие после революции 1917 г., поскольку его произведения не соответствовали ни духу нового времени, ни его стилистике. Роман «Охота» – один из его последних и, очевидно, незавершенных романов, хотя, по мнению архивиста С.Н. Шумихина, он может быть признан законченным: «...сам Садовской <...> отводил “Охоте” отдельный том» [1]. На основании косвенных признаков роман датирован приблизительно 1935–1936 гг.

По историческим и бытовым реалиям можно предположить, что действие романа происходит накануне Крымской войны. Названия глав («Шампанские гусары», «Сокельники», «Деревенские балагуры», «Борзятники» и др.) весьма выразительны и погружают читателя в своеобразную старосветскую атмосферу. Одновременно эти заголовки закладывают портретный принцип повествования.

В основе повествовательной структуры романа – диалог, обмен мнениями, фразы, репликами. Характерная особенность – прерывистость речи, словно героям все время что-то мешает договорить мысль до конца, события жизни внезапно врываются в разговор, сбивают рассказ, уводят мысль в сторону, не дают герою достичь цели, ради которой он начал высказывание.

«Охота» состоит из цепи эпизодов, сменяющих друг друга, в каждом из которых в поле внимания автора новый персонаж или ряд персонажей. Сюжетные линии героев не имеют ни начала, ни конца, они как бы дискретны и фрагментарны. Образы скорее не раскрываются, а лишь намечаются автором. Такой принцип изображения придает повествованию калейдоскопичность, позволяющую увидеть поток повседневной жизни в ее многообразии и парадоксальности.

---

\* © Кислова Н.Н., 2017

*Кислова Наталья Николаевна* (kislova\_nn@sgsru.ru), кафедра русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.

В романе нет главного героя, но есть персонажи, которые могут длительное время находиться в поле зрения автора. Одним из таких является полковой адъютант поручик Аполлон Никитич Толубеев. Сюжет его истории выстроен как фабула плутовского романа – от счастья к несчастью. У него все было для блестящего будущего: «С детства меня ожидала блестящая карьера. Отец – герой двенадцатого года и царский министр, состояние громадное. У меня уже была невеста, красавица, одна из первых невест России» [2]. Но в один из дней поручик неблагоприятным поступком резко меняет восходящую карьеру. В 19 лет на кадетском празднике во дворце он от скуки отнимает у мальчишки конфету, подаренную императором, прилюдно уличается в этом, но отказывается признаваться даже тогда, когда к нему за разъяснениями обращается царь. Герой не находит силы попросить прощения и таким образом приостановить действие роковой силы судьбы. За обнаруженную ложь император отправляет его корнетом в армию, отец от него отказывается, невеста выходит замуж за другого. Так, один случайный, неожиданный для самого героя поступок вызывает цепь жизненных несчастий. Последующие за этим событием семь лет Толубеев терпеливо переносит царский гнев, испытывает нужду, не может продвинуться по службе. Внешний вид, поведение и манеры поручика создают вокруг него ореол таинственности и загадочности. Герой надевает на себя маску, при этом упоминание маски фактически присутствует в тексте: «...лицо, как алебастровая маска, не знает улыбки» [2]. Он вживается в роль человека, находящегося под воздействием рока и способного совершать любые поступки. Среди следующих неожиданных поворотов судьбы героя – женитьба на девушке-сироте красавице Любаше, которую Толубеев отнимает у жениха прямо у анаоя. Но счастье длится недолго, Любаша через год умирает.

Читатель обнаруживает Толубеева в ожидании смотра войск в присутствии государя, во время которого, как он думает, вновь должна решиться его судьба. В этот раз поручик сам не предпринимает никаких действий, он безволен, даже когда видит, что с минуты на минуту государь уедет; но в последний момент все же получает прощение от императора. Это переломный момент в жизни героя: «На алебастровой маске вдруг расцветает румянец: она оживает, дышит и превращается в человеческое лицо» [2]. Из живого мертвеца, в которого Толубеев был превращен царским гневом, постепенно возрождается блестящий великосветский денди, неузнаваемый «в обращении и приемах» [2]. Но сюжет Толубеева не имеет счастливого конца: графиня Ванда, у которой влюбленный Аполлон Никитич просит руки, отказывает ему. Таким образом, совершенный от скуки поступок вызывает неумолимое действие судьбы в отношении героя. Новеллистическая линия Толубеева соотносима со сказками о судьбе «как некой высшей силе, пробивающей себе дорогу вопреки воле и намерениям людей, а не вопреки случайности <...> сами случайности в ней могут трактоваться как проявления судьбы» [3, с. 20]. История Толубеева прочитывается через мифологический подтекст, позволяющий по-иному увидеть события его жизни и тех, кто с ним пересекался. В этом контексте Толубеев нарушает запрет (нельзя лгать государю), после которого и происходит беда (отлучение от лейб-гусарского полка, отказ от героя отца и невесты). Император здесь как мифологический персонаж (вождь и шаман одновременно), гнев которого вызывает временную смерть героя (вместо лица алебастровая маска, неспособность улыбаться, «тянет армейскую лямку»), длящуюся 7 лет (сакральное число). Важным элементом временной смерти героя является указание, что он «не знает улыбки». Император же и снимает заклятие, возвращая героя к жизни.

Скоропостижная смерть Любаше, вышедшей замуж за «мертвеца», становится также понятной в свете мифологии, обращающей к сюжету «красавицы в гробу» [5, с. 102–105]: «...с этой улыбкой она и в гробу лежала» [4].

Б.А. Садовской вводит фольклорное начало не только через сюжетные линии персонажей, но и через вставные новеллы о находчивости, преданности и уникаль-

ных способностях русского человека (чаще — солдата). Он обращается к низовой литературе XIX—XX веков, в частности к ее лубочным формам. В романе дворовыми людьми рассказаны три новеллы: о бильярдном поединке милорда Макинтош и Перфишки Косога, о споре французского и русского императоров о верности солдата присяге, о хитром обмане солдатом старухи-бобылки. Поводом для рассказов послужил разговор господ о возможной войне России с одним из европейских государств. Автор романа представляет народное понимание причин тех или иных политических решений. В низовом сознании история определяется поступками простого человека. Например, причиной войны с Англией может быть обидная для английской королевы победа «арзамасского маркера из Стрегулинского трактира, Перфишки Косога» над «аглицким алистократом, милордом Макинтош» [2] в игре в бильярд. Ловкий Макинтош, будучи уверенным в своей удаче, решил взять ставку в миллион, но был с позором обыгран и высмеян корявым, косоглазым мужичонкой в присутствии русского царя, министров и английского посла. Фигуры плута и простака образуют в этой новелле основное движение и напряжение. Б.А. Садовской мастерски использует традиционную анекдотическую структуру для создания нового фольклорного текста.

Каждая новелла нацелена автором на утверждение мысли о зависимости судьбы государства от поступков человека из народа, от его готовности защищать интересы и честь государства, быть преданным императору. Рассказ о верности присяге русского солдата Ивана Хренова продолжает историю об удивительных способностях человека из народа, который на приказ царя выпрыгнуть в окно из высокой башни лишь уточняет, в какое окно прыгать. Вывод делает французский император: «...с русскими солдатами, говорит, можно весь свет произойти. А вот у меня такого войска нету, и пропаду я теперича ни за понюх табаку» [2]. Рассказчик далее с удовлетворением подтверждает: «Что ж, и году не прошло: оттяпали стервецы французы голову королю, а там и королевне» [2]. И в этой истории русский человек-простак (рябой солдатик) оказывается лучше, благороднее иностранца (теперь французского «форсистого» гвардейца), пытающего обмануть судьбу, выторговать у нее хоть какие-нибудь милости напоследок («чтобы и жену-то ему обеспечить, и тятке-то с мамкой послать, и детишкам на молочишко» [2]).

Противопоставлением новелле о талантливом спасителе Перфишке Косом и новелле о преданном русском солдате звучит рассказ о том, как солдат по дороге со службы хитростью крадет деньги у богатой старухи-бобылки. В мифологической традиции эта новелла восходит к плутовской сказке-анекдоту «о ловких ворах, чьей ловкостью и изобретательностью как бы следует восхищаться» [3, с. 23]. Но денщик Лопухов — один из слушателей — оскорблен таким рассказом о солдате: «Чтоб русский присяжный солдат, да украл у старухи деньги! Ты эдакого солдата где видел, в каком полку? ...Сказывай сейчас, какого полка солдат?» [2]. История воспринята им как реальная, но сомнительная, и в этом угадывается наивная вера простака в рассказанную историю как подлинную.

Б.А. Садовской в романе сам создает лубочные истории, вкладывая их в уста носителей и хранителей фольклора. Новеллы писателя — пример блестящей фольклорной стилизации от сюжета до языка персонажей и рассказчика.

Анекдотическая структура новелл Б.А. Садовского, основанная на образах простака и плута, выводит автора на осмысление категорий судьбы и случая и их роли в определении жизни-пути не только человека, но и государства. Писатель, используя новеллистическое повествование, вводит читателя в область народного сознания, осмысливающего историю русского государства в соотношении с другими европейскими государствами, дающего собственную трактовку внешнеполитическим событиям (о возможной войне с англичанами, о французской революции). В своем завершающем романе писатель понимание истории дает через обращение не к культурным кодам литературы и «высокого искусства», а к фольклорному мировоззрению, что

позволяет ему глубже погрузить читателя в ушедшую эпоху, дать возможность проникнуться мироощущением человека XIX века (дворянина и простолюдина), живущего в ожидании личных и исторических событий (войны). От описания быта Б.А. Садовской переходит к изображению бытия.

#### Библиографический список

1. Шумихин С.Н. Предисловие. Охотник из приволжских лесов [Электронный ресурс] // Наше наследие. URL: [http://www.nasledie-rus.ru/red\\_port/hunt00.php](http://www.nasledie-rus.ru/red_port/hunt00.php) (дата обращения: 25.11.2016).
2. Садовской Б.А. Охота [Электронный ресурс] // Наше наследие. URL: [http://www.nasledie-rus.ru/red\\_port/hunt00.php](http://www.nasledie-rus.ru/red_port/hunt00.php) (дата обращения: 25.11.2016).
3. Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. М.: Наука, 1990. 243 с.
4. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.

#### References

1. Shumikhin S.N. *Predislovie. Okhotnik iz privolzhskikh lesov* [Preface. The hunter from the Volga forests]. In: Shumikhin S.N. *Nashe nasledie* [Our heritage]. Retrieved from: [http://www.nasledie-rus.ru/red\\_port/hunt00.php](http://www.nasledie-rus.ru/red_port/hunt00.php) (accessed 25.11.2016) [in Russian].
2. Sadovskoy B.A. *Okhota* [Hunting]. In: Sadovskoy B.A. *Nashe nasledie* [Our heritage]. Retrieved from: [http://www.nasledie-rus.ru/red\\_port/hunt00.php](http://www.nasledie-rus.ru/red_port/hunt00.php) (accessed 25.11.2016) [in Russian].
3. Meletisky E.M. *Istoricheskaya poetika novelly* [Historical poetics of the novella]. М.: Nauka, 1990. 243 p. [in Russian].
4. Propp V.Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical roots of a fairy tale]. М.: Labirint, 2000. 336 p. [in Russian].

N.N. Kislova\*

#### POETICS OF THE NOVEL «HUNTING» BY B.A. SADOVSKOY: ON FOLKLORE STYLIZATION

The article is devoted to the artistic features of the novel «Hunting» by B.A. Sadovskoy, due to the folk styling and the author appealing to mythological subjects. In the field of the view of the researcher is the novel, its narrative structure, storyline of one of the characters and the analysis of false stories. The folk element helps the writer to immerse the reader in the era, to give insight into the outlook of the XIX century, living in anticipation of crucial personal and historical events (the war). People's view on history allows B.A. Sadovskoy to show how life turns into existence

**Key words:** B.A. Sadovskoy, folk pastiche, anecdotal structure, novella.

Статья поступила в редакцию 25/XI/2016.  
The article received 25/XI/2016.

---

\* *Kislova Natalia Nikolaevna* (kislova\_nn@sgspu.ru), Department of Russian, Foreign Literature and Methods of Teaching Literature, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky St., Samara, 443099, Russian Federation.